

скаго романтизма, сколько исторія французской поэзіи и беллетристики въ послѣдніе годы реставраціи и во время іюльской монархіи.

Дарованіе Брандеса хорошо извѣстно русскимъ читателямъ. Это не только человѣкъ, отзывчивый на всѣ вопросы, всѣ идеи нашего вѣка, не только широко-образованный знатокъ и любитель литературы, мастерски пользующійся всѣми приѣмами современной критики—это вмѣстѣ съ тѣмъ художникъ, часто возвышающійся до истинной поэзіи. Въ этой послѣдней чертѣ заключается самая сильная сторона его сочиненій. Имъ недостаетъ, иногда, того искусства, съ которымъ Тэнъ раскрываетъ внутреннюю связь между личностью и народомъ, между авторомъ и средой, между произведеніемъ и минутой; напрасно было бы искать въ нихъ исчерпывающій анализъ Сентъ-Бѣва, обобщенія Лессинга, страстность Бѣлинскаго или Добролюбова. Никому, за то, не уступаетъ Брандесъ въ умѣнѣ схватить характеристическую черту писателя, опредѣлить ее немногими мѣткими словами, сдѣлать изъ нея картину, поражающую воображеніе читателей. Орудіемъ сравненія онъ владѣетъ, какъ немногіе; проводитъ ли онъ параллель между двумя авторами, ищетъ ли онъ, чтобы выяснить свойство литературнаго явленія, аналогій въ исторіи или въ природѣ, добываетъ ли онъ лучи свѣта, ярко освѣщающіе изучаемый предметъ, изъ фантазіи или изъ жизни—онъ почти всегда достигаетъ цѣли, усиливаетъ впечатлѣніе, передаетъ намъ, вмѣстѣ съ мыслью, и одушевляющее его чувство. Можно ли, напримѣръ, рельефнѣе выразить противоположность между романтизмомъ и его политической обстановкой, чѣмъ это сдѣлано слѣдующими немногими словами: «на этомъ сѣроватомъ фонѣ, образованномъ монашескими рясами реставраціи и зонтиками іюльскаго королевства—на этой сценѣ, надъ которой незримый палецъ сѣрыми буквами написалъ слово: *juste-milieu*—среди этого общества, въ которомъ капиталъ, могучій, подобно Геркулесу, уже въ колыбели, задушилъ весь романтизмъ внѣшней жизни—выступаетъ теперь пламенѣющая, свѣтящаяся, шумливая литература, поклоняющаяся страсти и ярко-красному цвѣту». Сѣрый зонтикъ коронованнаго буржуа и кричація краски романтической поэзіи—какой эффектный контрастъ, и какъ много правды въ этомъ эффектѣ! «При Карлѣ X-мъ», — читаемъ мы нѣсколько раньше—министра Виллеля, Мартиньяка и Полиньяка означаютъ собою не столько три стадіи, сколько три темпа реакціи: *Allegro*, *Andante* и *Allegro furioso*. Изъ трехъ техническихъ словъ слѣдуетъ здѣсь живой образъ, не нуждающійся въ комментаріяхъ.